

АЛЕКСЕЙ
СЛАПОВСКИЙ

СЕРИЯ «САМОЕ ВРЕМЯ!»

Алексей Иванович Славовский
Ксю
Серия «Самое время!»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63677216

Алексей Славовский. Ксю : роман; Дерево, Авария : рассказы: Время;

Москва; 2021

ISBN 9785969120471

Аннотация

Новая книга прозаика и сценариста Алексея Славовского состоит из романа и рассказов и демонстрирует виртуозное умение автора рассказывать истории, из которых получается кино.

«Теперь, когда меня убили, я могу говорить все, что хочу и как хочу». Так начинается «потусторонняя история» 18-летней девушки, отца которой, очень крупного чиновника, поймали на взятке, судили и посадили в тюрьму. Героиня узнает все больше об отце, о матери, об их друзьях и знакомых, а потом уезжает, прямо по классику, «к тетке, в глушь, в Саратов», и там новое узнавание – людей из тех социальных слоев, с которыми она раньше не пересекалась. На самом деле речь идет о взглядывании в себя и в мир – будто глаза открылись, будто она заново начала жить, замечая то, чего раньше не видела.

«Дерево» – тоже история от первого лица. Шел весьма немолодой человек по улице мимо дерева, вспомнил, как залезал

на него в детстве. Взял да и опять залез. И жизнь его после этого изменилась коренным образом.

«Авария» – цикл из шести рассказов о людях, которые куда-то ехали, спешили, строили планы, и вот массовая автоавария, и время словно остановилось – и что теперь? Так ли всегда плохо попасть в подобную ситуацию или она может повернуть жизнь в лучшую сторону? Или хотя бы в иную? Таким образом авария – что-то вроде метафоры той самой пандемии, с которой столкнулись мы все.

Содержание

Ксю	6
I	6
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Алексей Слаповский

Ксю: роман; Дерево, Авария: рассказы

Художественное электронное издание

Художник *Валерий Калныньш*

Редактор *Татьяна Тимакова*

Художественный редактор *Валерий Калныньш*

Верстка *Оксана Куракина*

Корректор *Елена Плёнкина*

© А. И. Слаповский, 2021

© «Время», 2021

Ксю

Потусторонняя история

I

1

Теперь, когда меня убили, я могу говорить все, что хочу и как хочу.

«Говорить», сказала я, но это условное слово. На самом деле я молчу, речь возникает не звуками и не буквами, а какими-то сгустками, вспышками, пятнами, импульсами. Сложно объяснить. Я не вижу и не слышу, я сразу – чувствую.

И рада этому, мне при жизни страшно надоел однообразный язык, на котором приходилось изъясняться. Я не только русский язык имею в виду, а язык вообще, как способ коммуникации.

Он по определению примитивен. Подсчитано, что у нас, дорогие бывшие соотечественники, всего двести тысяч слов. Включая заимствованные. Что такое двести тысяч? Это население небольшого города. Правда, школьные знания по

математике, которые во мне дремали, а сейчас в полном моем распоряжении, напоминают, что из двухсот тысяч можно составить комбинаций больше, чем всех звезд во всех вселенных. Но этим богатством никто не пользуется. В обычном обиходе слов намного меньше, ученые считают по-разному, кто говорит – шесть тысяч штук, кто – шестьсот. Я думаю, вы обходитесь парой сотен. Пара сотен слов, вам хватает. И во всем мире так. У японцев, к примеру, пятьсот ходовых иероглифов. А у дельфинов, между прочим, четырнадцать тысяч знаков повседневного общения.

Вот почему взрослые умиляются, услышав, как детишки смешно коверкают слова: леписин вместо апельсин, фуфли вместо туфли, мамолет вместо самолет. Хотя что-то новенькое.

Я тоже коверкала, часто нарочно, потому что всем нравилось, а нравиться было главной задачей моего детства, которое длилось аж до девятнадцати лет. Кончилось оно быстро и болезненно – в тот день, когда я узнала, что моего папочку, Олега Сергеевича Кухварева, арестовали и завели на него уголовное дело.

Нет, раньше. В шестнадцать оно кончилось. Когда родители объявили мне, что они не мои родители. Рассуждали, наверно, так: маленькая не поймет, в пубертате можно нанести травму, а в шестнадцать самое то – возраст согласия.

Праздновала я шестнадцатилетие свое трижды. Сначала в школе, в классе. Принесла всем подарочки-сувенирчики и

тортик размером с колесо монстр-трака, так в нашей школе заведено. Мне в ответ тоже надарили всякой ерунды. Потом отметили дома, втроем – я, мама, папа. В московской квартире. В той, которая рядом со школой. Была еще деловая, в Москва-Сити, была представительская, набитая всяческой антикварью, около, конечно же, храма Христа Спасителя. И еще несколько квартир, как я потом узнала. Про запас.

А в ближайшую субботу созвали гостей в нашу подмосковную усадьбу. Она же особняк, поместье, вотчина, имение. Съехались друзья, приятели и знакомые по жизни и работе. Родственников не было, их у нас вообще не густо. Мама папы, моя бабушка, умерла, отец папы бесследно исчез сразу после папиного рождения, подарив на прощанье свою фамилию, осталась в городе Саратове старшая сестра Ольга, от другого отца, тоже исчезнувшего; она в Москву не приезжала уже давно по причине болезненности и нежелания. У мамы во Владивостоке пожилой отец, он давно овдовел, завел другую семью, мама летала к нему несколько раз одна, без меня и без папы, возвращалась всегда хмурая и молчаливая. Так что дедушку владивостокского я в глаза не видела, только фотографии.

Ну и вот, мне шестнадцать, вечер, свечки, мы втроем, и мама говорит:

– Ксю, пришло время сказать тебе то, что надо было сказать раньше, но. Рано или поздно ты все равно узнаешь, поэтому, – она почему-то ставила точки в неожиданных ме-

стах. – Мы решили сейчас, чтобы. При этом ничего не изменится, все останется так же, потому что. Мы тебя любим.

Я догадалась сразу. Осенило. Хотелось брякнуть: «Хватит тянуть, я не ваша дочь, что ли?»

Но молчала, ждала.

А мама смотрела на папу. Я свою часть работы выполнила, теперь давай ты. Ты глава семьи, хозяин и все прочее. Добивай.

И папа добил:

– Понимаешь, Ксюшечка, обычно говорят: не наш ребенок. Но у меня язык не повернется сказать такую чушь, потому что. – Он то ли вдруг решил передразнить маму, то ли временно перенял ее манеру. От волнения. – Ты наш ребенок, наша дочь, наша любимая Ксюнька. Короче. Что?

– Я молчу.

– Короче, мы взяли тебя из детдома. Тебе было два года.

– Два с половиной, – уточнила мама.

– Да.

– И не из детдома, а из Дома Детства.

– Неважно.

Нет, это было важно, я потом узнала, в чем разница. В детские дома попадают сироты, дети умерших родителей, те, от кого отказались, чьих родителей лишили прав, посадили в тюрьму, вариантов много. Попадают все без разбора. И есть много пар, которые хотят кого-то удочерить или усыновить. Целая очередь. В том числе богатые люди, а папа мой уже то-

гда был если не богатым, то хорошо обеспеченным тридцатилетним министерским чиновником высокого ранга. Богатые люди желают ребенка здорового и красивого. Есть спрос – есть предложение, инициативные люди придумали – создали в Подмоскowie не детдом, а Дом Детства. То же, да не то. Они объездили всю страну и свезли в этот Дом отборных младенцев. Все законно, а если не законно, то проплачено. Запустили рекламу и слухи – VIP-дети ждут своих новых VIP-родителей.

Повалили клиенты, младенцев продавали за очень неплохие деньги. Финансовая часть сделки не разглашалась, все было как бы бесплатно. Вот об этом предприятии детской работоторговли и узнал мой папа. Ему хотелось красивую девочку, не грудняшку – много возни, но и не перезрелую – придется переделывать, перевоспитывать. Кого хотелось моей двадцатилетней маме-студентке и хотелось ли вообще, не знаю. Знаю только, что эта история заварилась из-за невозможности иметь своих детей, какие-то у обоих обнаружались неполадки с репродуктивной функцией. Был вариант суррогатного материнства, но врачи не советовали – даже в чужом чреве не исключена возможность резус-конфликта, или конфликта генетического, или еще чего-то, подробности мне неизвестны. Главное – мои влюбленные друг в друга мама и папа оказались напрочь несовместимыми биологическими существами.

Папе требовался безукоризненно кондиционный товар,

он выбирал полгода. Приезжал на осмотр с авторитетным врачом-педиатром, требовал все справки и анализы, ему важно было знать, каким ребенок вырастет. Чтобы не оказалась девочка слишком маленькой или слишком высокой, чтобы не было хронических болезней, чтобы поражала всех красотой. Грела этим доброе приемноотцовское сердце.

You warm my heart, – тут же спел мне кто-то сирым, жалобным, блюзовым негритянским басом.

У нас тут так – не успеешь о чем-то подумать, сразу выскакивает что-нибудь подобное, похожее. Вроде вашей рекламы, когда вы что-то ищете в Сети.

Мало этого, еще и загомонило несколько миллионов голосов:

«Негритянским? Да вы что?! Нельзя так говорить!»

«Я из России, мне можно! Найдите другую страну, которая так боролась бы за права негров, как Россия, а раньше СССР. У нас негр – ласковое слово. Мы возмущались убийством Мартина Лютера Кинга, требовали освобождения Нельсона Манделы и Анджелы Дэвис, мы и сейчас готовы принять всех униженных и оскорбленных негров, только они к нам не очень едут!»

Голоса не унимаются, продолжают долдонить свое, на здоровье, мне не мешает.

Да, но откуда я все это знаю в свои юные годы?

Легче спросить, чего я теперь не знаю. Во мне ожило все, что я когда-то слышала, видела и читала, плюс неисчерпае-

мая доступная информация. Я обогатилась всеми знаниями, накопленными человечеством, как и советовал В. И. Ленин на III съезде комсомола 2 октября 1920 года. Мне внятно все, и острый галльский смысл, и сумрачный германский гений. Но без напряженья, без напряженья, подпел мне тут же БГ, Борис Гребенщиков, любимый автор моей саратовской тети Оли, под ранние песни которого она грустит о молодости.

Папа и маму выбирал очень тщательно. Он спланировал свою жизнь еще в школе, которую закончил с золотой медалью. Сказал себе: хочу иметь в жизни все самое лучшее. И поехал в Москву добиваться этого. Поступил в МГУ, обзавелся знакомствами в среде золотой молодежи, ходил в гости к сокурсникам, нравился их родителям – самородок из провинции, Ломоносов, умный и скромный. Сразу же после вуза его взяли на хорошую работу, в тридцать лет он попал в министерство, в тридцать три руководил отделом, потом управлением и так далее, и к пятидесяти добрался до заместителя министра. Наверняка стал бы министром, если бы не арест с последующей тюрьмой.

С девушками папа вел себя очень аккуратно, осторожно, чтобы не вляпаться в брак по залету. О том, что у него неполадки с репродуктивной функцией, он до женитьбы не знал, поэтому берегся. А потом, уже в эпоху семейной жизни, беречься перестал, и тут с неполадками случились неполадки, результат – ребенок-девочка от барышни, которую ему подарили на ночь во время одной из поездок. Барышня оказа-

лась хваткая, прикатила в Москву со свежерожденным младенчиком и требованием обеспечить будущее. Тест на ДНК подтвердил папино отцовство. Он купил барышне квартиру и гарантировал алименты до совершеннолетия дочери с условием: молчать и никогда не появляться в его жизни. Мы с мамой об этом, как и о многом другом, узнали после папиной посадки в СИЗО.

– Ни один оргазм не обходился мне так дорого! – сказал папочка маме с ироничной досадой на свидании в следственном изоляторе.

И маме бы понять, что за этими словами не цинизм, а отчаяние, растерянность человека, попавшего туда, где иерархия слов и выражений перепутана, поэтому часто говоришь наугад; так школьники-тихони, оказавшись в компании крутых пацанов, начинают материться и к месту, и не к месту. Но ее папины слова сильно и больно задели. Она не сумела остаться с этим наедине и поделилась со мной. Не только мне страдать и чувствовать себя униженной, получи и ты свою долю, дочурка.

Маму папа увидел на торжественном мероприятии, на фуршете. Нет, она не из богатых дочек, этого как раз папе не надо было, он не хотел влиятельного тестя, не хотел зависимости от него. Мама училась на актрису и подрабатывала вместе с одной сокурсницей коктейль-девушкой. Работа несложная – разносить коктейли и прочую выпивку, стоять у входа, встречать гостей и улыбаться. Образ: длинное черное

платье, умеренный вырез, кожа без изъянов, стройная балетная шея, правильные черты лица, очень желательны красивые волосы.

Все это у мамы было. Она была лучше всех. Она была идеальной. А папочка мой искал именно идеал или близко к нему. Он обаятельно с ней заговорил, спросил имя. Если бы оказалась Лариса, Тамара, Марина – все, отбой, он почему-то терпеть не может эти имена. Бывает, я сама не люблю мужские имена Борис, Анатолий и Николай. Никакой логики, что-то глубоко субъективное.

Имя мамы – Ирина – его устроило. Он попросил номер телефона, она вежливо отказала, он дал ей визитку со своими номерами, она взяла, но не позвонила, он, пользуясь своими возможностями добывать информацию, узнал, где она живет, отыскал ее в общежитии – явился прямо в комнату, пройдя через абсолютно непроходимую вахтершу, что очень впечатлило подруг мамы, да и ее тоже. И она согласилась сходить с ним в кино. Потом пару раз встречались в кафе. Потом он позвал ее на открытие архитектурно-строительной экспозиции в Выставочном центре. Экспозицию организовала подведомственная папиному отделу компания, поэтому его встретили торжественно, подали ножницы на подушечке, он разрезал ленту, а потом его чуть не под руки водили – как первого и самого важного посетителя. Согласитесь, это на любую девушку подействует. И папа видел, что действует, и сделал ей подарок.

Угадайте, какой?

Ни за что не угадаете, скажу сама: абонемент в клуб с тренажерным залом и бассейном. Очень дорогой клуб, для избранных.

Зачем?

А затем, чтобы, прежде чем приступить к прямым активным действиям, рассмотреть все мамины формы. Одежда маскирует, скрывает, а ему желалось узреть маму в полной или почти полной наготе. Увиденное в бассейне ему вполне понравилось, через неделю у них состоялся интим, еще полгода папа изучал маму со всех сторон – характер, темперамент, привычки, и наконец решил – то, что надо. И сделал предложение, и получил согласие.

Но обратно к детям, то есть ко мне.

Меня папа выбрал сразу. Я была новым поступлением, он как меня увидел, так и очаровался. Крошечное существо с большими глазками, губки пухленькие, кожа чуть смугловатая, папе всегда нравились смуглые и загорелые, вечно посылал маму в солярий и возил на морские курорты. И анализы оказались прекрасные, и консультант-педиатр дал одобрительный отзыв, все сошлось. Отдельный бонус – отец ребенка неизвестен, а мать погибла в аварии, других родственников нет, тени из прошлого исключены.

Так я у них появилась. Назвали Ксенией.

– Ксения Олеговна приятно звучит, легко выговаривается, – сказал папа.

Мама согласилась.

И начали они лепить из меня оптимальное дитя.

Дело обычное, на свете много людей, которые хотят, чтобы все у них и вокруг них было без сучка и задоринки, потому что всякий сучок и задоринка ощущаются как недоделанность, неотшлифованность твоего мира, свидетельство ограниченности твоих возможностей.

Моя ненавистная и обожаемая подруга Яса, она же Ясмин, однажды поделилась своей мечтой. Вот полно фильмов про девушек-роботов, андроидов, сказала она. Мыслящие и послушные секс-игрушки или даже жены. Встретила, накормила ужином и сексом, выслушала, что там на работе у тебя, а надоело – выключил. Лежит рядом теплая, как живая, но при этом не ворочается и не храпит. И в этом есть смысл, сказала Яса, пусть это сплошной мужской сексизм. А я бы хотела мужчину-андроида. Чтобы исполнял все мои желания. Домработник, повар, водитель, телохранитель, любовник. Ну и собеседник, когда захочется.

– И заботливый отец?

– Никаких детей!

– Цивилизация вымрет, Яса.

– Туда ей и дорога!

Так вот, начали они из меня лепить. Лучший детский сад, лучшая школа, лучшие приходящие педагоги – рисование, музыка, английский и китайский языки.

– У человека с двумя этими языками гарантированно бу-

дет работа! – говорил папа.

Была лепка и в прямом смысле этого слова. Папа как-то снимал меня на телефон, я радовала его только что разученной песней, и вдруг он взгляделся и спросил у мамы:

– Ксю у нас не падала носиком?

– А что?

– Ты не видишь? Он в сторону загнут. И больше стал, мне кажется.

– Всегда такой был.

– Разве? Ты присмотришь!

Мама присмотрелась. Ясное дело, чем дольше смотришь на какой-то недостаток, тем он кажется больше. И все же мама сказала:

– Ничего страшного. Даже такая симпатичная особенность.

– Эта симпатичная особенность для девочки может стать трагедией. У нас в школе одну за уши задразнили, Чебурашкой звали, довели до того, что она отравиться хотела, наглоталась таблеток, не отравилась, только в бред впала и в этом бреде отрезала себе ухо! Потом пришили, заодно второе подправили, но у нас она больше не училась.

– Дурацкая история.

– Жизнь, Ир, часто вообще дурацкая штука, но лучше это учеть. Чтобы не отвлекало от всего хорошего.

И мне сделали операцию по выпрямлению носа у лучшего пластического хирурга, заодно уменьшили размер. Все это

под предлогом медицинских показаний – чтобы избежать будущих осложнений во время простуд и гриппов.

Усовершенствовались до максимума. Чтобы еще сильнее любить. И чтобы все другие любили.

Я и сама этого хотела, сколько себя помню, а помню я сейчас хорошо. У людей с возрастом многое забывается, выпадает из памяти, особенно случаи из раннего детства. Сохраняется что-то отдельное и не обязательно важное. А моя память теперь вся передо мной, открытая в любом месте.

Вижу, например, как меня, трехлетнюю, отдают в детский сад. Могли бы держать и дома с няньками и с мамой, которая была совсем свободной, она не стала актрисой, занялась для досуга благотворительным фондом, – но отец считал, что ребенку нужна социализация.

Я с первого дня старательно радовала воспитательницу Дану – сама переодевалась, игрушки за собой убирала, в тихий час лежала по струночке с закрытыми глазами, изображая, что крепко сплю.

Однажды играла в мяч во дворе. Там, на деревянном домике, был нарисован Колобок, я в него кидала, стараясь попасть в нос. Ему же не больно, он нарисованный. Кидала сильно, со всего размаха, а там был выступ доски или бруска какого-то, мяч попал в этот выступ, отлетел и угодил в глаз Даны. Она схватилась за него и закричала:

– Ты дура совсем?

Такая всегда милая и приветливая, она не просто закри-

чала, она заорала, заорала со злобой, как на постороннюю, совсем чужую.

И меня, девчущку нежную, это потрясло. Я любила Дачку, и она меня любила, Ксюшечкой называла, как это может быть, из-за одной случайности – прощай, любовь, здравствуй, злоба? Ужасно!

И я заревела.

Дана спохватилась, подбежала. Успокаивает, а я реву и реву. Даже икать начала. Она мне: ну все, все, хватит! И я слышу раздражение в ее голосе, и мне кажется, что она еще больше злится. Мне кажется, что вся ее доброта до этого была неправдой, а вот теперь правда – ненавидит она меня. Мечтает, чтобы я умерла и никогда больше не попадала в нее мячиком.

И у меня от этих мыслей случилось что-то вроде обморока. Все потемнело, голова закружилась, я упала...

Занятно рассматривать забытое детство.

Лет в пять мне понравилось говорить на несуществующем языке. Иду и бормочу: камбардым парам бацан кацан, ампарлал будал жи ши пиши чиши ниши.

А в восемь еще страннее – сижу в своей комнате, делаю уроки, потом долго смотрю в окно и вдруг негромко, но четко начинаю ругаться матом. На б, на х, на п, все слова, какие знала.

А вот мне тринадцать, и меня послали в супермаркет. Меня туда частенько посылали, хотя обычно продукты поку-

пала прислуга. Ввергали девочку помаленьку в социум для адаптации. Супермаркет располагался на границе поселка. Он был и для бедных тоже, для живших на той стороне, как это у нас называли, – через трассу, от которой наш поселок был отгорожен высоким забором. С этой стороны коттеджи, с той – обычная деревня, за деревней железная дорога, за дорогой свалка, поэтому из богатых там никто не селился. И вот я в супермаркете, и полуслепая бабка в огромных очках спрашивает: девочка, не вижу, сколько стоит эта колбаса? Мне ничего плохого не сделала эта бабка, но я почему-то злюсь. Злит, что она слепая, что ко мне обратилась, других, что ли, тут нет? Вполне объяснимо, я выгляжу доброй отличницей, сущим ангелом. Впрочем, почти такой и была. Добрая и ласковая. Но иногда накатывало что-то странное. Бабушка спрашивает, а меня бесит, что она такая старая, бесят ее морщины, теплый дух гниения изо рта. А больше всего бесит, что она спрашивает болезненным и нищим, но очень интеллигентным голосом, она умудряется своим голосом намекнуть, что бедная, но вежливая, культурная. Девочка, пардоне муа, скажи, пожалуйста, не вижу, сколько стоит эта колбаса? И я вдруг отвечаю: нот андестен. Мне почему-то кажется, что, если я сейчас нагнусь к нижней полке, где лежит самая дешевая колбаса, и скажу, сколько она стоит, я буду заодно с этой бабкой, с ее бедностью, со всем тем, что сделало ее бедной, мне кажется, что я сейчас и сама стану немного старухой, заранее соглашусь со своей будущей старостью, а

я не хочу с этим соглашаться. Вот я и говорю: нот андестен. И отхожу иностранной походкой.

Но это все-таки редко со мной было. Обычно на любую просьбу любой бабки я откликалась ангельски. И смотрела, сколько стоит колбаса, и подавала, и слушала рассуждения – брать, не брать? Очень уж дешевая, чтобы быть хорошей. Но и дорогая бывает дрянь, не угадаешь... Все сейчас фальшивое, деточка, все. Да, да, конечно, кивала я.

Итак, с самого раннего детства я всех любила и хотела, чтобы меня все любили. Я всем угождала, потрафляла, подавала, так себя вела, будто с младенчества знала, что сирота, и старалась понравиться, чтобы не отдали обратно. Может, предчувствовала? Наитие, догадливость, шестое чувство?

Но я сбилась.

2

После школы я поступила в Финансовый университет при правительстве РФ, к концу первого курса была на лучшем счету, послали на конференцию в Санкт-Северную-Столицу-Петербург. И вот я просыпаюсь в гостинице, смотрю новости, а там: замминистра Олег Кухварев взят с поличным и арестован при получении взятки в 1,5 миллиона долларов.

Я не поверила. Не может быть, недоразумение какое-то.

Конечно, я не была настолько наивной, чтобы считать папу абсолютно чистым. Таких людей не бывает, особенно в

его окружении. Но я видела, сколько он работает, и предполагала, что он получает за такую важную и трудную работу благодарность в материальной форме.

Нет, соврала. Сейчас скажу, что я на самом деле об этом думала. Ничего не думала. Или думала по касательной, вскользь.

Меня потрясла не причина ареста папы, а сам арест. У него столько друзей и знакомых, в том числе в тех органах, которые арестовывают, у него со всех сторон защита, кто сумел ее пробить и зачем?

Мне хватило ума не звонить ему, я позвонила маме. Она ответила очень странно:

– Да, Ксения, я слушаю.

Никогда она не называла меня полным именем. Только – Ксюша, Ксюшечка, Ксенечка. Чаще всего – Ксю.

Да еще голос был холодный, чужой.

И я догадалась, что этот холод направлен не на меня, а на тех, кто слушает наш разговор. И я сказала – тоже для посторонних – если слушают:

– Прочитала какую-то ерунду про отца (никогда не называла его так, только папой), наверняка его подставили.

– Конечно, – подыгрывала мама. – Скорее всего, разберутся и отпустят.

И нам, когда мы это говорили, действительно верилось – отпустят. А сейчас я понимаю, что и я, и мама обманывали себя. Догадывались – не отпустят. Если это опубликовано,

да еще торчит первой строкой в новостной ленте, значит, все уже решено. До суда осуждено, до приговора приговорено.

Я начала собираться на конференцию, где должна была прочитать доклад на тему «Управление доходами и расходами малых предприятий торговли в условиях рецессии».

И только тут меня ошарашило.

Только тут я поняла, что сегодняшним утром у меня начинается новая жизнь. Я теперь – дочь опального замминистра. Взяточника. Вора. Преступника.

Наверняка, думала я, все организаторы и гости конференции прочитали новость. И вот я выйду, и все будут смотреть, слушать и думать – красотка с умненьким видом толкует о том, как выжить и процветать малым предприятиям, а у самой папаша эти самые предприятия с утра до вечера обворовывал, мы ведь знаем, как образуются такие огромные деньги. С миру по гайке – богатому «кадиллак».

И как мне быть? Как вести себя? Может, не надо там появляться?

Я легла и начала опять просматривать новости про папу.

Появились подробности. Писали, что взяточнику взятку не всучили, он ее настойчиво вымогал. Вымогал не полтора миллиона, а три, согласились на том, что будет дано в два приема. Но самое главное – у кого вымогал! Оказывается, у Сулягина вымогал! У великого топ-менеджера великой госкомпании!

Я чуть не рассмеялась.

Что смешно? Да то, что невозможно представить ни замминистра, ни министра, ни кого угодно, включая ИГИЛ, запряченную в России, и мировую мафию, кто посмел бы что-то вымогать у Вячеслава Германовича Сулягина. Просить – да. Умолять, клянчить, выпрашивать. Но – вымогать? Бред явный и откровенный.

К тому же Сулягин был приятелем отца. Несколько раз гостил у него – и в подмосковном доме, и в селигерском поместье, где они вместе собрали грибки и ловили на озере рыбку.

Я помню своей новой памятью, как он появился в первый раз. Тогда даже внимания не обратила, но видела, а раз видела, то вижу и сейчас. Был день рождения папы, собралось гостей с две сотни, сидели за двумя длинными столами в нашей большой столовой, обычно закрытой, размером с теннисный корт. Уже начались речи, поздравления. И вдруг все стихло, все повернули головы. Вошел Сулягин. Пауза длилась недолго, несколько секунд, там все были люди весомые, большие, значительные, уважаемые, влиятельные, высокопоставленные, они тут же вернулись к своим тарелкам и бокалам, делая вид, что ничего особенного не произошло. Но произошло, очень даже произошло и изменилось, каждый хоть на чуть-чуть постарался выглядеть умнее, улыбчивее, разговорчивее. Сулягин пошел к своему месту, неподалеку от папы, почти во главе стола, по пути здоровался с кем-то за руку, с кем-то кивком, был демократичен, со всеми равен и дружен, но, конечно, понимал, чувствовал, что он тут

царь горы. Сел, поздравил папу – не вставая, как прочие, не произнося громких речей и не повышая этим статус облаканного своим посещением мероприятия. И начал сосредоточенно угощаться, ничем, кроме еды, не интересуясь.

Угостился и заскучал. Он маньяк дела, мономан. Так бывает не только у политиков и бизнесменов. У альпинистов, например, писателей, художников. Преодолеть, победить, взобраться, закончить, стать выше всех. А что потом? Новая гора, картина, роман. Компьютерные игроманы, геймеры – из той же породы. Потратив месяц бессонных ночей на прохождение сотни уровней сложной игры, они тут же берутся за новую. Разница в том, что альпинисты, художники, писатели и геймеры чаще всего не имеют ни славы, ни денег, ни положения в обществе, а у Сулягина, как и у моего папы и других им подобных, это есть. И конечно, они от этого балдеют, прутся, тащатся, наслаждаются этим. Человеку мало делать что-то мощно и хорошо, ему надо, чтобы это видели и хвалили.

Я сама такая. Я была постоянно заточена на похвалу, я болела этим, я жила ради этого. Самая красивая, самая умная, чтобы восторгались и родители, и все их друзья и знакомые, и учителя. С одноклассниками сложнее, предметом общего обожания никогда не будешь. Только у большинства. А некоторые будут ненавидеть, и с этим придется смириться. И даже получать удовольствие. Для этого надо быть немного стервой. Это хорошо получалось у самой авторитетной де-

вочки нашего класса, у Ясы.

Вот картинка. У нас был урок технологии, проще говоря – труда, домоводства. Школа хоть и элитная, но родительский комитет и руководство решили сохранить некоторые традиционные предметы – для демократизма. Тема урока – техника безопасности при работе с домашними электроприборами. Учительница вызвала отвечать Олеся Ровенскую, девочку заносчивую, с задатками лидерши. Олеся отгарабанила наизусть, как стихи:

– Все работы выполнять в перчатках,
перед включением электрического прибора проверить исправность электрического шнура,

включать и выключать электроприборы сухими руками,
надеть фартук и косынку, закатать рукава одежды,
не оставлять включенные электроприборы без присмотра,
не допускать приближения к электроприборам домашних животных,

в случае аварийной ситуации не пытаться устранить ее самостоятельно.

Правила эти составила и очень гордилась ими сама наша учительница Маргарита Павловна, дама пожилая и незамысловатая. А в то время у нас в школе администрация внедрила модную методика диалогового вовлечения. Теперешнее Знание шепнуло мне, что эта методика возникла в античную эпоху, а то и раньше. Обычно ученица или ученик отвечают, а учитель слушает, поправляет, задает вопросы. По

новой методике нужно назначить другого школьника на эту роль. В тот раз назначили Ясу. И Яса начала спрашивать:

– Олесечка, а как проверить исправность электрического шнура?

– Осмотреть.

– Что?

– Шнур.

– И?

– Что – и?

– Как ее увидеть, эту неисправность? Шнуры же, это же не просто провода, они в этой...

– В оплетке, – подсказала Маргарита Павловна, не понимая, к чему ведет Яса.

– Ну да. А вдруг оплетка целая, а провод внутри испортился? Порвался? Перегорел?

Олеся посмотрела на Маргариту, и та выручила:

– Если оплетка целая, то вряд ли.

– Хорошо, – приняла Яса, показывая, она ответ считает сомнительным, однако спорить не хочет.

И продолжила:

– Еще такой момент, Олесечка. Вот ты говоришь: включать и выключать сухими руками. Но ты же в перчатках.

– На случай, если их нет, – отбилась Олеся, и Маргарита кивнула.

– Ладно, – приняла и это Яса, и тоже с долей иронии. – Еще не поняла я, как это – закатать рукава одежды?

Олеся уже слегка злилась:

– Что тут непонятно?

– Зачем уточнять, что рукава одежды? Разве бывают рукава у чего-то другого? Лишнее слово, я считаю. Но это мелочь, конечно, – Яса не дала возможности оправдаться, наседала дальше: – С домашними животными тоже как-то странно. Кошки и собаки под торшерами лежат, гнать, что ли, их оттуда? Или вот я рекламу стиральной машины видела, там кошка на ней спит, и нормально считается.

И Олеся, и Маргарита готовы были объяснить, но Яса не сбавляла темпа:

– Это опять пустяки, а вот ничего не делать при аварийной ситуации – совсем ничего?

– Пожарку вызвать, если загорится, – сердито ответила Олеся. – Или электриков. Или родителям позвонить.

– А если огонь? Даже тушить нельзя? Позвонить, а самой ждать, когда все сгорит?

Мы наблюдали и радовались. Все понимали, что это наезд не столько на Олеся, сколько на Маргариту.

А Маргарита по простоте своей спросила напрямую:

– Ты считаешь, эти правила составлены неправильно?

Яса улыбнулась и пожала плечами. Зачем вслух говорить то, что и так ясно?

Олесю же заботило другое:

– Правильно, неправильно, я что, ошиблась? Забыла что-то? Если да, тогда да, а я все ответила, как задали, а ты при-

дираешься!

– Я не придираюсь, Олесечка. Ты все точно ответила. Но ты даже не понимаешь, что и зачем будешь делать. И как ты замуж выйдешь тогда? Не возьмет никто, а ты ведь страшно замуж хочешь.

Наши девочки были в восторге. Яса унизила, опустила, затроллила бедную Олесю, которая считает себя лучше всех, вот пусть и получит!

Приемы Ясы были не от великого ума, а от природы, от данного ей таланта видеть слабые места в человеке и это использовать. Неважно, действительно ли Олеся хотела замуж, но Яса сказала об этом уверенно, как о факте, и это тут же стало для всех фактом. И фактом щекотливым – все, связанное с отношениями полов, девочек будоражит. Ведь да, придется рано или поздно идти замуж, интересно, как оно будет? Мысли эти вслух не выговаривали, и каждой было бы неприятно, если б уличили, что она этим озабочена. Потому мы, глядя на унижение Олеси, тайно радовались: не меня растоптали, не меня!

Видите, сколько тут всего? Это я сейчас поняла, а тогда мне было нехорошо. Я переживала и за Маргариту, и за Олесю. Я не любила, когда над людьми издеваются. Мне больно за них делалось. Такая я была хорошая.

Яса добила своего, вывела из себя Олесю, та крикнула:

– Сама ты замуж хочешь, дура!

– Конечно, хочу! – ответила Яса. – Поэтому вообще ника-

кого электричества касаться не буду.

Блистательно, согласитесь. Одним ударом и все правила Маргариты уничтожила, и перевела тайное в явное, тему замужества легализовала. Получилось – то, чего Олеся якобы секретно хотела, хотеть можно прямо и открыто.

Неизвестно, как вывернулась бы Маргарита, но ее выручил звонок. А потом произошло вот что: Яса подошла к Олесе, села на парту перед ней, взяла ладонями ее голову и, хотя Олеся, еще не остывшая от обиды, пыталась отвернуть лицо, поцеловала ее в лоб и сказала:

– Не загоняйся, Леська, я прикалывалась, ты же знаешь, я тебя люблю! Прости дуру!

Господи, как горячо стало мне – и в сердце, и в животе, и еще где-то! Какая славная эта Яса, какая умница – сама обидела, сама и извинилась! И она права, мы действительно занимаемся ерундой на этом уроке. Да и на других, возможно, тоже.

Вы скажете – про какие-то пустячки рассказываю. Да нет, не пустячки. Это история моего детства: я и боялась Ясу, и была влюблена в нее.

А она со мной вела себя так же, как и с другими. Переменчиво. То посмеивается надо мной по поводу и без повода, то вдруг подойдет, обнимет и скажет:

– Надо же, какие глазки печальные! Что случилось?

А у меня ничего не случилось, у меня такие глаза – кажутся печальными, когда я задумываюсь. Но тут же хочется,

чтобы что-то случилось. Пожаловаться – чтобы Яса утешила. Однажды, задолго до случая на домоводстве, я взяла и ляпнула:

– У меня у папы рак. Он умирает.

Вот что это? Наклепать на самого любимого человека!

Объясняется частично тем, что я тогда, мне было восемь с половиной, отставала от ровесниц, и мозгов у меняросло едва лет на семь. Они-то многие уже были, как я понимаю теперь, готовые будущие тетки, ехидные шкоды, злокозненные сучки. Да нет, зря я, дети как дети, умеющие и обижать, и обижаться. А у меня и обижать не получилось, да и не хотела я этого, и обижаться не научилась. Разве нельзя всегда жить дружно и весело?

Тема страшной болезни возникла в моей странной головке, потому что незадолго до этого папа рассказывал маме о своем сослуживце, у которого нашли этот самый рак.

– В сорок два года, жуть какая-то! Смотреть на него больно – лицо белое, глаза тоскливые. Ты представь – человек просыпается, умывается, чистит зубы, и тут мысль: а зачем это все, все равно скоро помру, зубы даже испортиться не успеют. На работу едет, и опять – зачем мне теперь работа, зачем деньги? А он еще ремонт в новой квартире начал, и то же самое – на кой черт теперь мне этот ремонт?

– Жена, дети, – сказала мама.

– Да развелся он как раз с женой! Для себя квартиру построил, радовался – новая жизнь с чистого листа! Вот тебе

и чистый лист!

Я слушала и думала: конечно, сорок два года – уже немало, пожил человек, но все равно жалко. Больше всего в рассказе папы потрясло, что это обнаружилось неожиданно. Пришел в больницу анализы сдать, а там – бомба. И я несколько ночей ворочалась, долго не могла заснуть. Вдруг и во мне бомба? А в мамочке? А в папочке?

Вот и ляпнулось.

Сама испугалась, но было поздно. Яса чуть не заплакала, погладила меня по щеке:

– Ксю, кошмар какой! Держись. Может, тебе надо чего?

– Ничего. Это между нами, ладно?

– Конечно.

И несколько дней я была счастлива: у нас с Ясой на двоих одна тайна, пусть и фальшивая. Она меня чуть не облизывала все это время. Но не удержалась, рассказала своим родителям. А те еще кому-то. Так дошло и до папы. Он удивился, начал доискиваться, откуда этот слух пошел. И доискался. Грустно спросил:

– Зачем ты это выдумала, Ксю? У тебя проблемы? Чего тебе не хватает? Слишком хорошо живется, трагедии захотелось? Объясни.

Я не могла объяснить, только редела и икала.

Яса, узнав о моем вранье, очень разозлилась. Наверное, жаль стало потраченной впустую доброй энергии. А я шла в школу, как на казнь. И Яса меня казнила. Два раза. Сначала

подошла и прошипела:

– Ты совсем, что ли, такие вещи выдумывать?

– Я разговор их слышала, папы с мамой, не так поняла.

– Да ладно врать-то!

И отошла. Я думала, все, этим кончилось. Даже порадовалась – Яса говорила со мной тихо и в сторонке, значит, не хотела перед всеми позорить.

Ничего подобного, была и вторая казнь. Учительница наша, Элла Дмитриевна, задала мне какой-то вопрос по уроку, я встала, и тут Яса на весь класс:

– Не трогайте ее, у нее папа умирает! Или уже похоронили, Ксюх?

Элла Дмитриевна знала об этой истории, в школе все быстро разносится, поэтому невольно усмехнулась, но тут же стала серьезной:

– Не надо, Яса, шутить на такие темы!

– Я не шучу, это она шутит! Наврала мне зачем-то!

– Всякое бывает, – неопределенно сказала Элла Дмитриевна, как бы и защищая меня, но защищая не очень активно, чтобы не показалось, что она оправдывает вранье.

– Ну да, бывает! Она знаете для чего? Она чокнулась, чтобы лучше всех быть!

– При чем тут это? – не поняла Элла Дмитриевна.

– При том! У нее чтобы даже горе было лучше всех!

Яса так уверенно это сказала, что и я поверила: да, я такая, я гадина, способна на любую подлость, в одном Яса не

права – не ради того, чтобы быть лучше всех, а чтобы она меня любила.

И так было все годы, пока мы учились вместе. Яса то приближала меня, то отдаляла, то обнималась со мной, то находила повод посмеяться. И, как правило, при всех.

Однажды я рассказала об этом папе. Он разобрался сразу.
– Все с ней ясно – манипуляторша. Повышает свою популярность за чужой счет. Механика нехитрая, политика кнута и пряника. Ты не знаешь, как она себя поведет в следующий момент, чувствуешь себя неуверенно, начинаешь ее задабривать, ведь так?

– Мне тоже так себя вести? Кнутом и пряником?

– Не сумеешь, не тот характер. Для тебя самое лучшее – отстраняться. Она смеется, а ты не замечаешь, не обижаешься. И ей надоест. Если игру не поддерживают, играть скучно.

– А она играет?

– Все играют. Больше всего – в себя. Каждый человек себе создает роль и в нее вживается. Приближает себя к идеальному образу. Даже какой-нибудь гаишник остановит тебя, и он не просто гаишник, он играет в идеального гаишника. Не лучшего, а такого, какого он себе представляет, как идеального, понимаешь? Или какой-нибудь начальник, когда он не один сидит, а, допустим, совещание проводит. Он не только начальник, он еще и играет в начальника. Изображает сам себя – лучшего, чем он сам.

Папа увлекся, развивал тему:

– Но и роль найти – еще не все. У каждого свой уровень вживания. Уровень первый, поверхностный, – я, к примеру, начальник, и точка. Святая вера в то, что я хорош такой, какой есть. Уровень второй – я начальник, но еще и играю в начальника. В свое идеальное представление. Смотрюсь в него, как в зеркало, мы же все окружены невидимыми зеркалами. Уровень третий – я начальник, я играю в начальника, но! Но сам при этом наблюдаю, как я играю в начальника! И посмеиваюсь. Я и в ситуации – и вне ее. Я смотрю не в зеркало, а на себя, глядящего в зеркало. Чтобы не заиграться.

– И у тебя какой уровень?

– Конечно, третий.

– Это во всем так? Ты и со мной не просто папа, а играешь в папу, да еще и наблюдаешь, как ты играешь в папу?

– Нет. С тобой я просто папа. Без игры.

Он засмеялся, легонько щелкнул меня по носу, я это очень любила:

– Получила мудрость? Наблюдай и не торопись. Не подыгрывай.

Это была для меня и правда мудрость, я решила на другой же день вести себя по-новому. Пришла в школу, дождалась, когда Яса скажет мне что-то веселое. Обычно я торопилась заулыбаться, засмеяться, а на этот раз равнодушно хмыкнула: да, возможно, это смешно, если ты так считаешь. И в другой раз, и в третий реагировала так же.

– Ты чего-то какая-то тормознутая, – вглядывалась в меня

Яса.

– Да нет, я так...

Яса хмыкнула, отвернулась и отошла.

Я испугалась. Что, если она совсем перестанет шутить со мной, замечать меня, любить меня? Я так не могу. Хочу, чтобы любила. И она, и все.

Я знаю одного похожего на себя. Миша Зборович, мой однокурсник. Бывший. Теперь у меня все – бывшие. Он с детства сочинял стихи, потом начал выкладывать их в Сети, в своем блоге и на сайте «Стихи. Ру», принимал участие в конкурсах. Я удивилась, когда узнала, сколько людей в наше время увлекается поэзией, думала, теперь только рэп и баттлы. Я в поэзии, скажу честно, не понимала ничего, тому, что Пушкин, Лермонтов или Пастернак великие поэты, верила на слово. Но Мишины стихи нравились – простые, понятные. Он читал их мне по телефону сразу же после написания. Мог позвонить ночью. Когда я сказала, что ночью ничего не воспринимаю, начал посылать тексты в мессенджеры. Во все сразу – на всякий случай. Сейчас я помню все его стихи. У них был общий заголовок: «Ненаписанное». Вот, например:

Все философии и любой бог
в любых его немислимых видах
о том, что будет последним? – выдох?
или все-таки вдох?

Или:

Здесь не живые хоронят своих мертвецов,
здесь мертвые хоронят живых.

Или:

Зачем говорить,
если из десяти семеро не слышат,
из оставшихся троих двое не понимают,
а десятый и без меня знает то,
о чем я хочу сказать?

И вот Миша увлекся поэтическими молодежными турнирами, которые проводились в библиотеках, в кафе, в книжных магазинах – в «Республике», например, устраивались регулярно. И довольно часто побеждал. Там были и обсуждения. И бывало так: все Мишу хвалят, всем нравится, но встанет кто-то один и поругает – и все, Миша впадает в депрессию, ему кажется, что его стихи никуда не годятся, он ложится дома и тяжело страдает. Потом кое-как перезагружается, и все начинается сначала.

Я однажды спросила:

– Ты, наверно, мировой славы хочешь?

Он ответил:

– Да, конечно. Иначе какой смысл?

Кто знает, может и добьется.

Ну вот...

Лежала я на кровати в гостинице и думала: пойти, не пойти?

Было много аргументов за и против. Ясно одно – мне там будет плохо. Но и папе сейчас плохо, не сравнить, как плохо. Значит, пусть и мне достанется. А поскольку жизнь есть переплетение сообщающихся сосудов, то, возможно, если что-то плохое прибавится мне, оно убавится у папы. Такая вот нелепая, но небезосновательная мысль.

И я позвонила Петру Петровичу, моему водителю и охраннику. Папа нанял его после того, как меня облили краской при выходе из школы. Синей масляной краской. Какой-то подросток плеснул и убежал. Кто его послал, за что меня облили, осталось неясным. Может быть, папа что-то знал, но не хотел говорить.

Петр Петрович был из спецслужб, отставник, очень высокий, я со своими метром семьдесятю четырем (хорошо, что говорю не вслух, а то бы не выговорила) едва доставала ему до подбородка. Вообще большой, даже огромный. Плечи в два раза шире моих, большая голова, тоже вдвое больше моей, все очень большое, но хорошо сложенное. При этом легкий, ходил так, будто земное притяжение его не очень притягивает. И еще у него был шрам через всю щеку. Через

левую.

Он привозил меня, терпеливо ждал в машине или вестибюле, в стороне от других водителей и охранников, что-то читал в планшете-читалке или ничего не делал, сидел и о чем-то думал. Говорил со мной мало, только улыбался и любовался. Отечески. У него самого были уже маленькие внуки от двух дочерей и сына.

Однажды я спросила:

– Петр Петрович, а почему вы, такой особенный, такую работу выбрали?

– Я особенный?

– А то сами не знаете!

– Может быть. У меня, Ксения, жизнь была большая. Две семьи было, два дома построил, всех обеспечил. Страну объездил вдоль и поперек. С интересными людьми встречался, с негодями тоже. Убить могли.

– Поэтому шрам?

– Поэтому шрам. А потом я устал, решил пожить один. Ушел со службы. И мне понравилось лениться. Пример с меня не бери, трудиться надо, учиться надо. Мой пример отрицательный.

– Ладно. Как лениться? Ничего не делать?

– Ничего не делать – с ума сойдешь. Почитать что-нибудь, посмотреть кино, я много книг пропустил, много фильмов, некогда было. О жизни подумать. И я искал такую работу, чтобы и деньги нормальные, и не утомительно. И у твоего

отца нашел, приятель меня порекомендовал. Мне хорошо, меня все устраивает. Ну, и еще болею немножко, но так. Терпимо.

– Не смертельно?

– Смертельно, но не сразу.

Я привыкла к Петру Петровичу, ездила с ним и тогда, когда мне купили машину и стали отпускать наконец одну дальше, чем до супермаркета. Оказалось, что свобода передвижения мне не очень-то и нужна, да еще пробки эти подмосковные и московские, суета, напряжение. С Петром Петровичем удобнее, поэтому я и в Питер с ним приехала. Сначала хотела самолетом, а он выехал бы раньше и там меня встретил, но было начало мая, земля зазеленела, небо заголубело, захотелось ехать по трассе и смотреть в окно, где то березка, то рябина, куст ракиты над рекой, край родной, навек любимый, где найдешь еще такой?

Я вышла к машине, Петр Петрович изнутри приоткрыл дверцу, но я стояла – вглядывалась, вслушивалась, улавливала запахи. Словно попала в незнакомый город, незнакомый мир. Звуки казались резче, фасады домов и лица людей рельефнее, сплошное 3D, от каналов пронзительно тянуло холодной волглостью и чуждостью. Все было чужое – город чужой, дома, люди, даже небо казалось чужим, и машина, и Петр Петрович.

Я села, положила на колени сумку.

– На Фучика? – спросил Петр Петрович.

Это значило – на улицу Юлиуса Фучика, к Университету профсоюзов, в здании которого проводилась конференция.

Мне показалось смешным слово «фучик». По правде говоря, я тогда не знала, чья это фамилия. Теперь знаю и смешливость свою строго осуждаю.

Фучик, чушь какая, думала я. Фучик. На фучика едем. На фу-фу.

Кивнула, поехали, а наваждение продолжалось. Я несколько раз была в Питере, а это такой город, что впечатывается в память сразу же. Теперь казалось – впервые вижу. Но вот проехали мимо Казанского собора, и я его сразу узнала, невозможно не узнать, и поняла, в чем дело. Все осталось прежним, но все изменилось. Было ощущение, что и небо, и здания, и люди знают, что со мной произошло. И не глядят на меня, жалеют, щадят. Отстранились, отчуждились. И Петр Петрович не смотрит на меня, тоже щадит. И отдушка сегодня слишком пахучая – для отвлечения, что ли? Интенсивная ароматерапия?

– Это что за запах?

– Где?

– В машине?

– Как всегда. Тебе же нравится. Морской запах, сам составляю, химичу.

– Да нет, нормально. Это у меня с обонянием что-то.

– Насморк?

– Наоборот.

– Это как?

– Да ладно, ерунда.

– А то могу проветрить.

– Не надо.

– Как скажешь.

Он говорил со мной, как с больной. Знает. Знает, но молчит. Деликатный.

И тут дошло: окружающее не изменилось, я изменилась. Не внутренне, там все осталось таким же, а – для этого самого окружающего. Из гостиницы вышла не я, а дочка пойманного чиновника. Почти преступника. Таков статус мой теперь – дочка преступника. И даже для милейшего и роднейшего моего Петра Петровича, для этой машины, для неба, зданий и людей я теперь – дочка преступника.

А вот фиг вам, сказала я мысленно. Не дождетесь. Это вы так считаете, а я такая же, как и была. И меняться в угоду вам не собираюсь. Войду сейчас с гордо поднятой головой, и смотрите, как хотите, говорите, что хотите.

Через полчаса я шла по коридору с гордо поднятой головой.

Петр Петрович следовал за мной, соблюдая дистанцию. На него заранее был выправлен пропуск.

Вошла в аудиторию.

У двери караулил модератор, молодой человек блеклой внешности, о котором я ничего не знала, кроме имени – Степан. Он звонил мне несколько раз, пока я ехала, я не отве-

тила. Степан не стал задерживать меня в двери, пропустил мимо себя, только поздоровался, как и со всеми. Дождался, когда я села на свободное место, с краю, не спеша пошел по проходу, встал боком возле меня, заговорил, не глядя в мою сторону, продолжая приветствовать входящих, энергичными нырками выпячивая голову на длинной шее вперед и вниз, как делают птицы в брачных танцах. Разве что крыльями не хлопал.

– Я думал, вы не придете, – промямлил он тусклым голосом.

– Я пришла.

– И будете выступать?

– Почему нет?

– Ваше право, конечно. Но меня попросили попросить вас...

– Скажите, я уперлась. И могу учинить скандал, если мне не дадут прочитать доклад. Какая я там, четвертая?

Он уставился в программу. Смотрел долго – может, надеялся, что моя фамилия чудесным образом пропадет. Наконец подтвердил:

– Да, четвертая. Значит, без вариантов? Будете читать?

– Без вариантов.

– Я передам.

Он пошел к столу, за которым сидели трое пожилых мужчин академически солидного вида и сухая женщина в темно-синем костюме, на лацкане у нее прикреплен был трех-

цветный значок, то ли депутатский, то ли партийный. Степан что-то говорил ей, она хмуро слушала, конспиративно не глядя на меня, чтобы не привлекать внимания и не усугублять этим проблему, но у нее, как и у всех людей ее типа и положения, было фасеточное зрение, подобное зрению мухи. Она, не поворачивая головы и не вращая глазами, умела видеть вокруг себя все. И меня одной из своих фасеток рассматривала. Мой наряд, выражение лица, положение рук, разворот плеч. Оценивала мою готовность выполнить обещание и устроить скандал.

Она не могла подойти ко мне или подзвать к себе, это слишком заметно. Поступила хитроумно – Степан сказал ей номер моего телефона, она набрала, встав при этом и отойдя к окну, глядя в него. Я взяла трубку.

– Ксения, зачем вам это? – спросила она окно.

– Прощу прощения, вы кто?

– Марголина Ангелина Викторовна. Эксперт и представитель Фна.

– Фна?

– Фонд научных инициатив, у вас же в программе это написано, зачем вы...

– Я поняла. Давайте не будем тратить время. После третьего докладчика я выйду – в любом случае.

Слышала бы меня та Ксю, та Ксюшечка и Ксенечка из детства, которая не умела никому отказывать, чтобы не огорчить. Сразу же отвечала: да, конечно, конечно, как скажете,

как просите, как велите.

– Это может усугубить ситуацию, – Марголина не теряла надежды меня уговорить.

– Какую ситуацию?

– Вашу и нашу. Тут представители прессы есть. Я их лично попросила вас не беспокоить, они ведь слетелись, как вороны, извините, на пададь.

– Хорошее сравнение.

– Ну как пчелы на мед, это нравится? Сроду к нам журналисты не заглядывают, а тут штук пять сразу. Я их предупредила, что тут же удалю, если попытаются что-то с вами... Правда, я думала, вы не придете... Боюсь, после доклада не утерпят и спросят что-то не по теме, а совсем про другое. В печать попадет. Как думаете, нам нужна слава таким способом?

– Почему бы и нет? Может, даже кто-то поинтересуется, что за конференция, материалы прочитает. В кои-то веки.

– Вы издеваетесь?

– Ангелина Викторовна, я буду читать доклад, извините, говорить больше не о чем.

Я отключилась.

Начались выступления докладчиков. Они выходили к кафедре, стоявшей рядом со столом, зачитывали свои тексты, которые никто не слушал. Все ждали меня. Одна Марголина демонстрировала заинтересованное внимание, а сама своим фасеточным зрением сканировала зал – пыталась уловить,

откуда может исходить угроза.

Центральный академик из триумvirата назвал мою фамилию и тему доклада. Я вышла. Спокойно посмотрела в зал. Отдельно – на Петра Петровича. Он, как всегда, устроился так, чтобы быть и недалеко от меня, но не рядом, не со мной. Удивительно, несмотря на выдающуюся свою фактуру он умел быть незаметным, умел не привлекать к себе внимания. Впрочем, не скажешь лучше, чем он сам сказал однажды:

– Я умею отсутствовать.

И вот он блистательно отсутствовал, но все же был. Не кивнул мне, не улыбнулся, ничем не обозначил, что меня поддерживает, но в самом взгляде было что-то необычное. Не сочувствие, не сопереживание, не жалость, не сострадание, не эмпатия, типун мне на язык за это слово. В нем было глубокое раздумье. Попытка понять – что случилось, что происходит, как быть? И это было для меня дороже всего. А еще я подумала: какой же красивый мужчина Петр Петрович! Я и раньше это знала, но тут потрясло. Что ж, вполне объяснимо – напряженно думающий мужчина всегда красив.

Э, э, э! – завопят феминистки. А думающие женщины некрасивы, что ли?

Не знаю, не приглядывалась. Знаю точно, что красивы и даже прекрасны женщины бывают тогда, когда заинтересованно слушают. Особенно мужчин и детей. Особенно своих мужчин и своих детей.

Я открыла папку с листами доклада, еще раз взглянула на аудиторию. И решилась:

– Конечно, вас не интересует мой доклад. Вам жутко хочется про другое. Я знаю, о чем вы думаете. Косит девушка под студентку-отличницу, скромницу, а сама – дочь жулика, взяточника, коррупционера. Позор ей, изгнать ее. Небось с ног до головы в папиных деньгах, на спорткарах катается, на персональном пляже загорает в Мальдивах, на Канарах, на Ибнице. Кстати, пляж есть, и дом есть на море, и яхта есть, и самолет собираюсь купить. Кушаю на золоте, сплю на лебяжьем пуху. Нет, вру, на специально сделанном матрасе, чудо ортопедической мысли, десять тысяч евро стоит. Вот и пусть делит с папой ответственность, думаете вы, и не говорит, что не знала, откуда он деньги берет! Отвечаю: да, готова разделить, но спрошу – а вы-то чем лучше? Собрали вас на никому не нужную конференцию слушать никому не нужные доклады о нашей никому не нужной экономике. Воруете друг у друга время и здравый смысл. Взять мою тему – малые предприятия во время рецессии. А откуда рецессия? Кто задавил малые предприятия, граждане и товарищи? Знаете, на кого мы похожи? Сидят пещерные люди у костра и обсуждают, как сделать дубинки удобнее и убойнее. А в соседней пещере придумали лук и стрелы. Понимаете? И никто не спросит – а почему нам тоже лук не придумать или хотя бы позаимствовать? Нет! Своя дубинка ближе к телу! Так что, говоря народным языком, херней мы тут занимаемся. Втираем друг

другу очки, изображаем деятельность. От папы, при всех его минусах, хоть какая-то польза, от вас, от нас – ноль. Вакуум. И вы меня смеете осуждать? Вы себя чувствуете ангелами? Мне смешно!

Такую речь, хоть и не настолько подробную, успела я мысленно произнести за те полсекунды, пока смотрела в зал.

Но не произнесла.

Опустила глаза и начала читать доклад. Ровно, деловито, прилично.

И дочитала. И почувствовала, что выдохлась, больше не могу здесь оставаться ни минуты. Доказала сама себе неизвестно что, пора и честь знать. Посмотрела на свои часы Tag Heuer Carrera (5 тысяч евро) и сказала Марголиной:

– Извините, у меня самолет, боюсь опоздать. Если вопросов нет...

– Есть! – тут же выкрикнул кто-то из зала.

Марголина, не глядя в зал:

– Все вопросы после докладов, смотрите программу. Будет общая дискуссия. Обсудим и этот доклад, а результаты выложим в свободный доступ.

И мне ласково:

– Да, конечно, идите.

Так в школе отпускают в туалет: иди, деточка, иди.

Я вышла.

Вышел, конечно, и Петр Петрович.

Мы сели в машину. Петр Петрович включил двигатель

и обогрев, потому что машину выстудило, но не торопился трогаться. Догадался, что мне сейчас не нужно движения, нужно застыть и помолчать. И чтобы все застыло и молчало.

Так прошло минут десять, не меньше, а потом я сама его попросила:

– Поговорите со мной, Петр Петрович.

– О чем?

– Сами знаете.

– Ты молодец, хорошо держишься.

– Я не про это.

– Все будет нормально.

– Папу отпустят?

– Нет. Дадут срок, но небольшой. Четыре-пять лет.

– Это небольшой?

– Учитывая обстоятельства, да. Сидеть будет мягко, на общем режиме. Скорее всего, пристроят куда-нибудь в библиотеку или в клуб.

– Там есть клубы?

– Целые оркестры собирают, спектакли ставят, даже футбольные команды есть и товарищеские игры. Межтюремные. Условия у Олега Сергеевича будут максимально комфортные. Со свиданиями, с перепиской. Может, даже телефон дадут. Так что считай, что папа в больнице. На карантине. Неприятно, но бывает и хуже.

– А почему он? Почему именно его?

– Никто не знает. Возникают ситуации, когда все виновато.

ты. Кто больше, кто меньше. И даже не ситуации, у нас это вообще всегда. Перманентно. Но всех же не посадишь. Вот и выбирают. Как во время войны было: вся рота побежала от врага, решают – расстрелять каждого десятого. Чем этот десятый хуже других? Ничем. Он десятый, вот и все. Нет, все-таки подбирают. Фигуру. Уровень. На этот раз, наверно, было сказано: не меньше замминистра.

– Кем сказано?

– Кем надо. Видишь ли, Ксения, акции такого рода – это как бы послание, такая малява для остальных. Чтобы видели, что их ждет. Какой срок, какие последствия. Скорее всего, еще деньгами возьмут, оштрафуют. Часть недвижимости отберут. Чтобы ощутимо, но не смертельно. Потому что, если опускаться до самого плинтуса, догола раздевать, семью нищей оставить, публика слишком испугается. Соберут манатки и утекут за бугор. Задача – напугать, но не до смерти.

Все, что Петр Петрович мне говорил, я и сама понимала. Меня мучило другое.

– Петр Петрович, а как так можно? Я про Сулягина – он же отцу друг.

– Там друзей не бывает.

– Где?

– Там. Есть верные люди – и то до первой милиции, как в советское время говорили. Сотрудники. Приятели. Друзей нет и быть не может.

– Всегда есть выбор, Петр Петрович. Неужели Сулягин не

мог отказаться? Придумал бы что-нибудь, если бы захотел.

– Значит, не захотел.

– Убила бы!

– Даже так? Злишься на него?

– Не то слово! Нет, убивать не стала бы... А вот встретить где-нибудь, чтобы вокруг людей было побольше, подойти – и по морде!

– Это будет самая большая ошибка из всех возможных.

Ну, поехали?

– Да.

Петр Петрович тронулся, но тут же притормозил, внимательно посмотрел на меня.

Я спросила:

– Что?

– Ты говоришь по настроению или реально отомстить собралась?

И как только он задал этот вопрос, так я сразу и поняла: да, хочу отомстить. Очень хочу. И это настолько серьезно, что надо готовиться. Значит – соблюдать тайну. И я ответила:

– Да нет, конечно. Я же понимаю, только хуже будет.

Соврала, как спела. И умный Петр Петрович поверил:

– Правильно. Сейчас надо вести себя тихо и взвешенно. Мне в том числе. У меня две семьи за спиной, я ради них папу римского продам. Я к тому, Ксения, что мне придется уволиться. Жаль, но надо.

Я успокоила Петра Петровича, сказала, что и сама отказалась бы теперь от его услуг. Чтобы не было поводов у журналистов злословить – отец у дочки в тюрьме, а она с личным водителем катается.

– Вот именно. А главное, те, кто это заказал, должны видеть, что ты, ваша семья, как бы это сказать...

– Испытываем лишения.

– Да. У Олега Сергеевича и у Ирины родственники где-то далеко живут?

– Почему мне кажется, Петр Петрович, что вам известно, где именно?

– Уличила. Я не шпионю, связи по прошлой работе. Учебный год кончается, поехала бы туда, залегла бы в тишине.

– В тишине не получится, фамилия слишком известная. И редкая к тому же. Всегда все спрашивают: вы не родственница?

– Отвечай, что нет. А еще лучше – смени.

– Тоже отца предать?

– Потом вернешь. И он поймет, я тебя уверяю.

– А мама?

– И она поддержит, женщина умная. Мы как, в гостиницу, а потом домой?

– В гостиницу и в аэропорт. Сейчас посмотрю билет на ближайший рейс.

– Я уже смотрел. Пока доберемся да регистрация, то-се. «Сапсаном» быстрее будет, в час отходит, как раз успеваем.

– Вы умный, Петр Петрович. Догадались, что я захочу быстрее домой попасть?

– Я думал, ты с утра поедешь, сразу. И не такой я уж умный. Нет, к старости поумнел маленько. Когда своей глупостью наелся. До тошноты.

– Не верю. Вы никогда глупым не были.

– Всяким я бывал. И глупым, и даже дебилом.

– В чем разница?

– Если хочешь, расскажу. С иллюстрациями.

– Хочу.

4

И Петр Петрович рассказал. Не сразу, сначала заехали в гостиницу за вещами, потом направились к Московскому вокзалу, остановились неподалеку, у кафе «Шоколадница», вот в этом кафе он и разговорился. Впервые за все время, что я его знала. А я, слушая, купила билет, посмотрела новости. Строка о папе ушла из топа, верхняя пятерка горячих сообщений выглядела так:

- В Иркутской области старшеклассник спас девочку от педофила прямо в момент похищения
- На встрече у президента обсуждали будущее энергопоставок на Украину и отопление в регионах
- Комитет по соответствию WADA выработал крайне

жесткие рекомендации в отношении РУСАДА

- Трамп предложил России и Китаю ядерную сделку
- Ситуация критическая: названы жертвы ЧП в ЛНР

Я и слушала, и успевала думать. Я в тот день стала какой-то обостренной и пространственной. Многофункциональной. Успевающей все заметить, на все мысленно отреагировать, причем одновременно. Во мне, как на экране компьютера, было открыто сразу несколько окон, и в каждом из них была своя жизнь.

В одном окне был Петр Петрович и его рассказ.

В другом – новости. Каждый день я начинала с ленты новостей, проскальзывала взглядом и редко что-то открывала. Я, как и все вы, пребывала в приятной эмоциональной анестезии. Да, в мире много чего происходит плохого, хорошего и разного, но всему сочувствовать невозможно. Кого-то попытались похитить, где-то в регионах плохо топят, какой-то комитет по соответствию какой-то или какого-то WADA гнобит какую-то или какого-то РУСАДА, Трамп что-то в очередной раз предложил, в ЛНР жертвы ЧП, очень жаль, но каждый день где-то ЧП. Так я воспринимала обычно, но не в этот раз. Теперь в этом окне, где новости, открылись еще окна, и я все увидела детально и вживую.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.